

Шао Ганьгэ иногда задумывался: а вдруг завещание подлинное? Старейшина Шао действительно всегда благоволил младшему брату Шао Юйбо. Даже несмотря на его слабые профессиональные качества, он доверил ему управление несколькими перспективными фешенебельными отелями группы.

Однако при более глубоком размышлении старейшина Шао никак не мог быть настолько неосмотрительным.

Он уже несколько лет был прикован к постели, а в последнее время его состояние ухудшилось. Во время частного разговора с Шао Ганьгэ старейшина просил старшего сына позаботиться о младшем брате после его смерти. Даже испытывая большую симпатию к младшему сыну, старейшина прекрасно осознавал его ограниченные профессиональные способности. Конгломерат Шао был торжественно передан ему его собственным отцом, и все эти годы старейшина ставил интересы группы на первое место. Передача столь важной ответственности менее компетентному младшему сыну никак не соответствовала его обычной рациональной манере поведения.

Отношения между братьями Шао никогда не были особенно тёплыми, их общение было куда более формальным, чем в обычных семьях. И всё же Шао Ганьгэ не хотел верить, что его брат способен на столь низкий поступок, как давление на больного отца.

Он чувствовал себя раздвоенным, снова потянулся за сигаретой. Мысли о будущем сына крутились в голове, и кроме тяжёлых вздохов он ничего не мог предложить жене.

- Не переживай так. Если не удаётся найти доказательства - пусть будет так, - после паузы мать Шао спросила:

- Те несколько ресторанов, что перешли к нам - тебе стоит их проверить. Ты решил? Будем подавать в суд?

Отец Шао выглядел измождённым:

- Что даст иск? У нас же нет доказательств.

Старейшина Шао был человеком с крайне сильной жадностью контроля - до самой смерти он не передал сыновьям ни единой акции компании. Это сильно ограничивало возможности Шао Ганьгэ: у старшей ветви было лишь те жалкие 5% из завещания. Меньше акций - меньше влияния, и даже если кто-то в компании понимал, что что-то не так, вряд ли кто-то осмелился бы выступить в их защиту.

Мать Шао, осознав все сложности, поняла: переломить ситуацию будет крайне трудно.

Притворное спокойствие, которое они сохраняли перед Шао Янем, теперь полностью исчезло.

Супруги молча смотрели друг на друга.

Шао Янь сидел на кровати в позе лотоса, мысленно повторяя мантры.

Если говорить о его собственной судьбе – она была непростой. Самые ранние воспоминания – бегство вместе с толпой беженцев. Его родители, возможно, ушли, возможно, погибли – никто не знал. Выжил он лишь благодаря вдове, потерявшей своего ребёнка. Та женщина, лишившись мужа и сына, впала в безумие, и маленького Шао Яня подсунули ей в утешение.

Шао Янь оказался крепким орешком – хоть и получал от неё молоко, но основную пищу делил с другими беженцами: глина, кора деревьев... Многие взрослые умирали от такого рациона, а он цеплялся за жизнь.

Жизнь беженца была тяжёлой – постоянные побои и гонения. Когда Шао Яню было около пяти лет, его приёмная мать, в очередном приступе безумия нарушив комендантский час, была забита насмерть городской стражей. Именно он нашёл её окровавленное тело в переулке.

Шао Янь уже плохо помнил, что чувствовал тогда. Он лишь знал, что, выпросив на улице кусок грубой ткани, завернул её и похоронил. С этого момента он стал настоящим сиротой.

Вскоре после этого его вместе с семью другими детьми продали перекупщику. Некоторые из них попали в официальные бордели, другие стали рабами в богатых домах. Шао Янь с детства был хитер и амбициозен – стиснув зубы, он рвался вверх и в итоге выхватил шанс попасть во дворец.

Жизнь во дворце оказалась не легче, чем у беженцев. Неоскопленные слуги стояли даже ниже младших евнухов. Постоянный голод был ещё терпим, но спать разрешалось лишь два часа в сутки, работать приходилось до изнеможения, а унижать их мог кто угодно. Особо извращённые стражи и старые евнухи искали возможности воспользоваться беззащитными.

В строгих дворцовых правилах такие слуги редко выживали. Дворец был огромен, и смерть одного-двух неприметных слуг в день никого не волновала.

Соседи Шао Яня по комнате постоянно сменялись. Старшие говорили, что их – повысили, и наивные дети верили. Лишь Шао Янь понимал: скорее всего, они стали первыми жертвами, поглощёнными бездной дворца.

И однажды очередь дошла до него.

Шао Янь не был из тех, кто покорно ждёт своей участи. Зная, что не сможет убежать, он притворился послушным, усыпив бдительность насильника. В тот миг, когда тот наклонился,

Шао Янь перерезал ему горло острым осколком фарфора.

Это было первое убийство в его жизни. Он провёл весь день, рыдая от ужаса рядом с телом. Но когда слёзы высохли, Шао Янь осознал: он живёт в беспощадном мире.

Опыт жизни беженца научил его тщательно заметать следы. Он избавился от тела, сбросив его в заброшенный колодец – известное место для тайного захоронения трупов во дворце. Никому и никогда он не рассказывал об этом происшествии.

Именно тогда в его судьбе наступил перелом.

Шао Янь завершил медитацию и открыл глаза. В ушах стоял шум птичьих голосов, будто прибой, а в окне уже брезжил рассвет. На мгновение он растерялся.

Затем вспомнил – он теперь в совершенно другой эпохе.

Взглянув на часы у двери, он с непривычки перевёл время – примерно второй час дня. Рассвет ещё не наступил, но это всегда было его обычным расписанием.

Проведя всю ночь в медитации без сна, он не чувствовал усталости. Его практика была передана ему хромым старым евнухом из Кухонного управления. По сравнению с легендами о полётах и телепортации, она казалась скромной – всего лишь возможность прыгать выше и дальше. Но в укреплении тела ей не было равных.

За месяц практики в больнице раны Шао Яня заметно зажили. Если бы не чрезмерная забота родителей, он мог бы выписаться гораздо раньше.

Шао Янь встал с кровати и потянулся, его кости хрустнули. Благодаря первому проблеску ци в даньтяне, он чувствовал небывалую лёгкость.

Выглянув в окно, он заметил множество камер наблюдения вокруг виллы. Пришлось отказаться от прыжка со второго этажа – такой способ передвижения явно шокировал бы современных людей. Вместо этого он спустился по лестнице. В доме было темно, прислуга ещё спала.

Пойдя на запах, он нашёл кухню, достал из холодильника два помидора и, взяв их с собой, вышел наружу.

Родители Шао придерживались здорового распорядка: подъём в семь утра, умывание, затем завтрак – эта привычка оставалась неизменной десятилетиями.

Однако в это утро супруги неожиданно проснулись сразу после шести.

Будто невидимые руки проникли через дверные щели, оконные рамы и все возможные отверстия, неся с собой манящий, почти мистический аромат.

Мать Шао глубоко вдохнула. Её веки ещё опухли от слёз перед сном. Потирая глаза, она пробормотала:

- Что это? Пахнет так вкусно...

Отец Шао моргнул, ещё не полностью очнувшись ото сна. Повторив глубокий вдох, он ощутил, как сладковатый аромат заполнил носоглотку, опустился к сердцу и застрял в груди, кружась и не желая исчезать.

Через мгновение он сглотнул и растерянно согласился:

- Да... Действительно ароматно...

<http://bllate.org/book/12929/1134676>